

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
У69

ALL YOUR TWISTED SECRETS
Diana Urban
Copyright © 2020 by Diana Urban

Иллюстрация на переплете *Евгения Короленко*

Перевод с английского *Марии Кармановой*

Художественное оформление *Юлии Девятовой*

Урбан, Диана.
У69 Все твои грязные секреты / Диана Урбан ; [перевод с английского М. Кармановой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-04-113558-4

Некоторые секреты слишком опасны, чтобы их скрывать.

Шестеро старшеклассников получили неожиданные письма. Они выиграли стипендию на обучение в колледже и приглашены в ресторан.

Но вместо торжественного ужина их ждала жестокая игра. В ресторане нет ни души, выход заблокирован, мобильная связь не работает. А на одном из столов – взрывное устройство, шприц с ядом и записка. Кто-то один должен умереть. В течение шестидесяти минут нужно сделать выбор, иначе погибнут все.

Но кого выбрать жертвой? Эмбер, девушку с музыкальным талантом? Сашу, ее подругу и капитана чирлидеров? Прию, фанатку фокусов и фэнтези? Робби, спортсмена и звезду бейсбола? Диего, ботаника и изобретателя? Или Скотта, главного разгильдяя школы?

Время пошло.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Карманова М.,
перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-113558-4

«Уважаемая Эмбер Прескотт!

Поздравляем Вас! С радостью сообщаем, что Вы являетесь претендентом на получение стипендии Брюстерского городского совета в размере 20 000 долларов. Мы ценим Ваши музыкальный талант и Ваш вклад в жизнь нашего города.

Предлагаем Вам отметить Ваш успех, приняв участие в торжественном ужине, на котором будет присутствовать мэр города Тимоти Мэйноут и остальные пять лауреатов. Ужин состоится во вторник, 4 февраля, в семь часов вечера в ресторане «Честерфилд».

В заключение еще раз поздравляем Вас.

С нетерпением ожидаем встречи с Вами в «Честерфилде».

*Искренне Ваши,
председатель стипендиального комитета
при администрации города Брюстера».*

Брайану за каждый час

Последний час я провела, размышляя, не умру ли сегодня ночью.

Ведь помереть от инфаркта можно и в семнадцать, верно? От мыслей о предстоящем званом ужине мое сердце колотилось о ребра так сильно, что мне мерещилось, будто мои дни сочтены.

Вы спрашиваете, что плохого в званом ужине? Начнем с того, что мой парень, Робби, тоже приглашен на эту веселенькую вечеринку, а между нами в последнее время творится не пойми что. Мы постоянно ссорились насчет того, чем заняться после выпуска, — и это еще мягко сказано. По мере того как последний школьный год приближался к концу, напряжение между нами нарастало. Тот факт, что Диего, наш будущий лучший выпускник, тоже получил приглашение, ничуть не улучшал ситуацию. За последнее время наша дружба превратилась в нечто иное — нечто, от чего у меня краснели щеки, нервы искрились, а сердце разбухало, как погруженная в воду губка.

Если мы трое окажемся в одной комнате, может произойти катастрофа. Если Робби заподозрит, что мне нравится наш ботаник, он при всех познакомит Диего со своими кулаками. У нас с Робби были проблемы посерьезнее, чем присутствие другого парня. Но чиркни спичкой в комнате, залитой бензином, — и ты неизбежно сгоришь. Если бы я была способна хоть в малейшей степени сдерживать свои эмоции, я, быть может, и пережила бы этот вечер без ущерба. К несчастью, я хреново умею врать, так что без взаимных угроз и перспективы махания кулаками, скорее всего, не обойдется.

Вот так. Сердечный приступ неотвратим. Мне просто нужно пережить сегодняшнюю ночь, и все сложится как надо.

Надеюсь.

Пытаясь успокоить нервы, я сделала погромче саундтрек к «Гарри Поттеру» и принялась рыться в гардеробе, быстро придя к выводу, что вся моя одежда отвратительна. Я могла либо одеться ультраобыденно, либо выбрать классический черный («похоронный шик», как это называла Саша), и оба варианта выглядели крайне подавляюще.

Когда большая часть моей одежды оказалась свалена в кучу на полу — к большому удовольствию моего кота Варрежки, уютно устроившегося посередине, — я обнаружила старое платье с изумрудными блестками, которое когда-то надевала на фортепианный концерт. Теперь оно едва доходило до колен, но это был единственный предмет гардероба, который выглядел хоть сколько-нибудь впечатляюще.

— Эмбер, ты выглядишь великолепно! — сказала мама, когда я взбежала вверх по лестнице — из своей спальни на подвальном этаже, — на ходу одергивая платье.

— Ты говоришь это только потому, что ты моя мама.

— Не проецируй все свое самоуничтожение на меня. — Она поправила рыжую прядь, уже успевшую выбиться из моей прически. Ее рыжие, жесткие и прямые волосы были

уложены в типичную мамскую прическу — боб-каре. — Ты выглядишь утонченно. Хотя это платье не помешало бы немного удлинить.

— Робби уже здесь? — Он опаздывал на целых десять минут. Я выглянула в витражное окошко в парадной двери, высматривая его внедорожник и нервно крутя на руке аметистовый браслет. Варезка терся о мои лодыжки, оставляя белую шерсть на моих черных туфлях с открытым носом и бархатным верхом.

— Тебе запрещено ходить на свидания, пока тебе не исполнится сорок семь! — крикнул папа из своего кабинета, который находился дальше по коридору.

— Наверное, сейчас неподходящий момент для напоминания, что мы встречаемся уже примерно год? — спросила я. Даже мама вслед за мной демонстративно закатила глаза.

Как раз в тот момент, когда я допечатала сообщение Робби, в проезде показался свет фар. Я бросила телефон в сумочку, а мама подала мне куртку и поцеловала меня в щеку. Я направилась к двери.

— Напиши мне, когда доберешься.

— Хорошо, мам. — Я натянула куртку. — Через несколько месяцев я буду уже в университете. Мне и тогда продолжать писать тебе каждый раз, когда я куда-нибудь пойду?

— Было бы чудесно, спасибо, что предложила! — она подмигнула, словно что-то замышляя, хотя в ее взгляде застыла тень грусти. — Люблю тебя.

— Пока! — крикнула я, обернувшись, и поспешила по дорожке навстречу ночи, не по сезону сырой и туманной. Незастегнутая куртка развевалась за спиной. Нельзя сказать, что мама *чрезмерно* заботилась обо мне. Она разрешала мне делать все, что я хочу, при условии, если я регулярно буду сообщать ей, что я жива.

Нельзя сказать, что у нее не было на это оснований.

Робби бросил свою бейсбольную перчатку на заднее сиденье.

— Привет, малышка.

— Робби, ты на пятнадцать минут опоздал! Ты серьезно? — Одним движением я захлопнула пассажирскую дверь и застегнула ремень. Обычно я не начинала ссору первой, но сейчас мои нервы были на пределе.

— Эмбер. Успокойся. Я на тренировке задержался. — Его обычное оправдание. Робби наклонился и поцеловал меня, окатив сладким запахом мыла и шампуня. Положив руку на подголовник моего кресла, он принялся выкручивать на дороге. Мама помахала рукой, глядя на нас из окна гостиной. Робби нажал на газ, и она закрыла шторы. — Кроме того, мне пришлось заехать домой, чтобы захватить твой подарок. — Он протянул руку за сиденье, не отводя взгляда от дороги, вытащил маленькую коробочку и бросил ее мне на колени.

— Мой... подарок? В честь чего?

— Открой. — Он улыбнулся, и я увидела ямочки на его щеках и морщинки в уголках глаз. С любопытством разорвав красную ленту, я обнаружила в белой коробочке браслет с подвесками. С цепочки из аметистовых бусин свисали серебряные музыкальные нотки. — Я подумал, он хорошо будет смотреться рядом с твоим. — Он показал на доставшийся мне от бабушки аметистовый браслет, который я носила на правом запястье.

Мой гнев испарился, и ему на смену пришла смесь радости и ужаса, повергшая меня в растерянность.

— Но в честь чего?

— Я не могу купить что-то красивое для своей девушки просто так, без причины?

Он улыбнулся еще шире — эта заразительная улыбка всегда заставляла меня почувствовать себя будто самой яркой звездой на небе. Она казалась совершенно искренней. Все в Робби казалось искренним. Он был как на ладони,

и это являлось одновременно благословением и проклятием — я не переставала удивляться тому, как сильно он любит меня... или как сильно он злится на меня, особенно в последнее время. Но его подарок на музыкальную тему застал меня врасплох.

В последнее время разговоры о моих занятиях музыкой стали для нас большим местом. Робби хотел, чтобы я переехала вместе с ним в Джорджию, где он благодаря игре в бейсбол получил стипендию на обучение в Технологическом институте. Можно подумать, будто для меня отказаться от мечты изучать музыку в Южно-Калифорнийском университете или в Беркли — не такая уж большая жертва.

— Но ты ведь можешь заниматься музыкой где угодно, — настаивал он. Пару месяцев назад мы ужасно сильно поссорились из-за этого, и он убедил меня подать документы в Джорджийский Технологический университет, рассчитывая отложить споры до момента, когда я получу результаты поступления.

А потом мне сообщили, что я принята. И тогда я поняла: нам придется расстаться.

Может, я и любила Робби, но в музыку я была влюблена столько, сколько себя помню. Я не могла позволить ему заставить меня отказаться от своей мечты. Несмотря на свою решимость, я еще не придумала, как вывалить на него все новости.

Но теперь события обернулись совершенно неожиданным образом. Я провела пальцами по подвескам в виде музыкальных нот. Такой продуманный подарок. Может, он наконец-то понял мою точку зрения? Решил пойти на компромисс?

Словно прочитав мои мысли, он произнес:

— Я заметил, что мы некоторое время не поднимали эту тему, о школе и прочем. — О школе и прочем. Как аккуратно он упаковал все мои музыкальные амбиции в одно слово. «Прочее». Он пригладил свои коротко стриженные

темно-русые волосы. — Ты еще не получила ответ из Джорджии?

Мои плечи напряглись.

— Нет. Еще нет. — К счастью, в темноте не разглядеть, как у меня покраснели щеки. У меня была бледная кожа, и собственная кровь всегда выдавала меня: *лгунья*.

— Что ж, ответ должен прийти скоро. Я хочу быть рядом с тобой. — Держа одну руку на руле, другой он коснулся моей. Наши пальцы переплелись. — Вместе мы сможем что-нибудь придумать. Эмбер, я люблю тебя.

— Я... тоже. — О боже. Что мне делать? Поцеловав мою руку, он отпустил ее, и я принялась неловко возиться с застежкой нового браслета, закрепляя его на левом запястье. Я прислонилась к боковому окну, наблюдая, как мимо проносятся однообразные двухэтажные дома в колониальном стиле. Остаток пути мы проехали молча. Толстые капли дождя колотили по машине, заглушая мои мысли.

— Вот отстой. — Я застегнула куртку, не расстегивая ремня. Все равно что помыть машину — если я завью волосы, неизбежно пойдет дождь. Если мы переедем в Калифорнию, я одной левой решу все их проблемы с засухой.

Робби дернул уголком рта.

— Это просто вода.

— Может, объяснишь это моим волосам, а? — я поправила челку.

Робби взглянул на меня, останавливая машину перед «Честерфилдом».

— Эй. Ты выглядишь прекрасно. В том числе волосы.

Мои щеки снова покраснели.

— Спасибо.

Страхнув с себя тревожность, я принялась высматривать на улице место для парковки. «Честерфилд» — элитный ресторан на цокольном этаже бывшего старого склада — сейчас здание перестроили и переделали под дорогие торговые помещения. По выходным здесь собирались

местные, которые делали вид, будто живут в городе с насыщенной общественной жизнью, хотя на самом деле весь его «деловой центр» ограничивался тремя кварталами.

Впрочем, это никого не обманывало. Мы были такими до мозга костей — унылый город-спутник неподалеку от Нью-Йорка.

К счастью, по случаю вторника на углу обнаружилось предостаточно парковочных мест. Как только Робби припарковался, я отстегнула ремень безопасности и выскочила наружу. Придерживая капюшон над головой, я завернула за угол, старательно избегая луж. На тротуаре никого не было — только две женщины средних лет спешили к стоящей неподалеку машине, прикрываясь двумя огромными черными зонтами. Я взбежала по ступенькам к главному входу «Честерфилда», не дожидаясь, пока Робби меня догонит.

Вряд ли его можно заставить спешить куда-то, кроме домашней базы.

Подойдя к стойке администратора, я отряхнула воду с куртки. Впереди рядами выстроились столики с отделанными бархатом диванами, а вдоль противоположной стены вытянулся бар. За ним высилась пирамида бутылок с вином и крепкими напитками, и проникающий между ними свет создавал слабое сияние. Классическая музыка струилась из динамиков, установленных в потолке над столиками.

Над пустыми столиками.

В помещении никого не было.

— Ты уверена, что нам нужно было в «Честерфилд»? — донесся голос Робби у меня из-за спины.

— Ага. Смотри. — Я показала на табличку, приклеенную скотчем к стойке администратора. *«Мероприятие для лауреатов стипендии Брюстерского городского совета проводится в зале «Вайнона».* Стрелка показывала вправо. — Сюда.

— Куда все подевались?

Чувствуя, как колотится сердце, я шагнула вперед.

— Наверное, уже в зале «Вайнона», как тут и написано.

— Нет, я имею в виду, все остальные...

— Давай пойдём. — *Давайте просто покончим с этим.*

Я взяла Робби за его мозолистую руку и повела его через пустой зал ресторана. Из открытых дверей, расположенных рядом с баром, донесся знакомый зычный смех.

За дверью обнаружилось помещение меньшего размера — но не менее изящное. Длинный обеденный стол из красного дерева стоял на изысканном персидском ковре, который покрывал бóльшую часть блестящего, почти черного деревянного пола. Поскольку комната находилась на полуподвальном этаже, довольно глубоком, в ней имелось только два небольших окошка у самого потолка. По стенам рядом с дверью и под окнами были расставлены комоды из того же дерева, что и стол. Между двумя буфетами, заполненными бокалами и всякими безделушками, уместился камин из красного кирпича. Он отражался в огромном, обрамленном медью зеркале, которое висело на противоположной стене. В медном канделябре, низко нависавшем над центром стола, мерцали электрические свечи. Помещение казалось каким-то средневековым и в хорошем смысле слова тесным.

Саша Харрис и Диего Мартин уже заняли свои места. Они смеялись над какой-то шуткой, которая, уж конечно, не имела ничего общего с ее постоянным желанием превзойти его. Робби кашлянул, и Саша смолкла на полуслове и оглянулась, высунувшись из-за спинки своего стула. Когда она увидела меня, у нее загорелись глаза.

— Приветствую вас, леди! — она тут же вытянулась, обернувшись, и, выставив вперед подбородок, поцеловала воздух по обеим сторонам от моего лица. — Ребята, слава богу, что вы тоже выиграли эту стипендию. Иначе у нас был бы на редкость унылый вечер, — пробормотала она себе под нос.

На месте Саши мечтали оказаться многие — капитанша группы чирлидеров, руководитель театрального кружка, президент класса, прекрасный кандидат на то, чтобы окончить школу с отличием. По странному стечению обстоятельств сейчас она была моей лучшей подругой. Сегодня она надела обтягивающее красное платье без бретелек, а блестящие каштановые волосы ниспадали свободными волнами на ее обнаженные плечи так, что ни одна прядь не выбивалась из прически.

— Но шанс встретиться с мэром — это все же круто, — сказала я. — Он уже здесь?

Она выпустила Робби из объятий.

— Нет, еще нет. Но, к твоему сведению, это полная противоположность слову «круто». Ну правда, сама подумай. Разве может кто-то с детства мечтать стать мэром такого городишки?

Я сбросила с плеч промокшую куртку, повесила ее на резную вешалку рядом с дверью и поправила челку. Завитые волосы уже начали распрямляться. Проклятый дождь.

— Брр. Тут как в печке.

— Уф, я знаю. — Саша помахала рукой, словно веером. — Давай, твое место рядом с моим. — Она показала на стул, стоявший ближе всего к двери. Стол окружали восемь стульев с высокими спинками — по три с каждой стороны и по одному с торцов. На моей тарелке с золотой каемкой стояла табличка с надписью «*Мисс Прескотт*». У Саши была табличка с надписью «*Мисс Харрис*». Круто смотрится. Я отодвинула свой высокий стул и, взглянув на другой конец стола, встретилась взглядами с Диего.

Ну вот, приехали.

На его лоб падали пряди темных волос. Он посмотрел на меня в ответ своими выразительными медными глазами, и на его губах появилась улыбка.

— Привет, Эмбер.